

— Какое может быть разочарование? — Хо Ли рассмеялся, не зная, плакать или смеяться. — Единственное, что могло бы меня разочаровать, это если бы ты сбежал к какому-нибудь постороннему мужчине, и я бы без всякой причины потерял работу.

Чу Цин надулся.

Этот Хо Ли вечно любит похамить...

— Сейчас ты сначала поспи, а завтра пойдёшь на конкурс — вот и всё. Не бойся, если небо упадёт, я его подставлю, — Хо Ли поднял его.

Чу Цин изо всех сил заставил свои конечности обрести силы и пошёл с Хо Ли обратно в комнату.

Разумеется, через окно.

Хо Ли внёс Чу Цина внутрь, проследил, чтобы тот лёг и постепенно уснул, и только тогда ушёл. Когда он уходил, было уже за четыре, скоро должен был рассветать.

Итак, на следующий день Чу Цин проспал до самого вечера. Остальные не осмеливались его будить, а Хо Ли не хотел.

Конкурс должен был состояться вечером, а днём планировалась съёмка процесса подготовки участников.

Программа использовала платную прямую трансляцию. Те, кто заплатил, могли посмотреть и позже, не обязательно было сидеть у экрана, но в чате трансляции, конечно, было очень много народу — там были и фанаты Цзяо Чансюя, и Ли Тяня, и даже Чу Цина; когда трансляция только началась, серверы едва выдержали.

Сейчас, когда все участники репетировали за пианино или разогревали голоса, и только Чу Цин всё ещё валялся в постели, у зрителей снова появился повод для ругани.

[XXX: Не то чтобы я хочу что-то сказать, но можно ли относиться к участию в конкурсе хоть немного серьёзнее? Сколько людей рвутся попасть на эту программу, а этот Чу Цин, пользуясь поддержкой своего «папочки», просто отбывает номер? Эх, мир действительно несправедлив.]

[XXX: Все репетируют, а ваш Цин спит. Настоящий стиль, не зря же гениальный музыкант. Ждём, когда вечером он опозорится.]

[XXX: Сестра наверху, даже если он выдаст на сцене полную лажу, он же всё равно пройдёт вперёд, верно? Нам остаётся только всё это время быть вынужденными есть это дерьмо.]

[XXX: Эм... Я просто сторонний наблюдатель за Чу Цином, может, он и правда устал? Я иногда тоже сплю до обеда, когда устаю. Вы же не его мама, не нужно так за него переживать?]

[XXX: Ты там наверху, «сторонний наблюдатель», опомнись! Это у Чу Цина не усталость называется, а понты! Ты его не знаешь, после выхода «Мастера меча» в каждом шоу он так же филонил, я тебе говорю, словно все ему должны.]

Съёмочная группа программы, впрочем, была довольна, намеренно или нет используя Чу Цина для создания тем.

Чу Цин проспал до двух с лишним дня, что действительно было чересчур, а в четыре

участникам нужно было начинать готовиться, гримироваться и переодеваться. У Чу Цина после умывания оставалось меньше часа на подготовку.

Но Чу Цин выспался и сейчас чувствовал себя гораздо лучше.

Он ответил на сообщение Хо Ли в WeChat, затем немного порепетировал, поиграл мелодию, чтобы восстановить ощущение.

— Ты... всё в порядке? — Проходя мимо, Ань Ицзэ увидел, что Чу Цин по-прежнему выглядит беззаботным, и его действия больше похожи на развлечение, чем на репетицию.

Нахмурившись, он спросил:

— Может, я поговорю со съёмочной группой? Ты же выступаешь последним, можешь остаться в общежитии и репетировать, пока выступают другие участники?

— ...А почему? — Чу Цин был немного озадачен. Разве он не может пойти вместе со всеми?

— Нет... просто беспокоюсь, что тебе нужно репетировать.

— Мне не нужно, — подумал Чу Цин.

Разве мы не решили дома, что будем исполнять?

— ...А, — Ань Ицзэ снова усомнился в жизни, почувствовав, что, кажется, слишком беспокоится.

Хорошо быть талантливым.

И хорошо, что Ань Ицзэ был человеком широкой души и к тому же попросили присмотреть за ним, иначе обычный человек давно бы рассердился, общаясь с Чу Цином.

Затем участники вместе отправились на телестудию для записи. Некоторые даже в автобусе слушали в наушниках записи, тихо напевая, делая последние приготовления, за что в чате транслировали хвалебные комментарии.

Всё шло по плану, запись проходила гладко, один за другим участники выходили на сцену, а затем определялся победитель на основе голосов жюри и зрителей.

Чу Цин в гримёрке смотрел выступления вместе с другими участниками. Он не комментировал, не шумел и не пытался привлечь внимание камер, как это делали другие, практически став невидимкой, так что зрители чуть не забыли, что он участвует.

Однако Чу Цин всегда уважал других участников, всё время сосредоточенно наблюдая.

Так прошёл весь вечер.

— Вжж.

Когда приблизилась очередь Чу Цина, он почувствовал лёгкую вибрацию телефона.

Сообщение от Хо Ли в WeChat.

[Хо Ли: Ты ничего не забыл?]

[Чу Цин: ?]

Чу Цин недоумевал — что он мог забыть?

[Хо Ли: WeChat.]

Чу Цину потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чём говорит Хо Ли.

Чу Цин слегка улыбнулся.

[Чу Цин: Господин Хо, я участвую в конкурсе, это творческое вокальное соревнование. Я вытянул последний номер, скоро буду выступать.]

Как и раньше, Чу Цин рассказывал Хо Ли о каждом деле, словно отмечаясь.

И Хо Ли, как всегда, ответил.

[Хо Ли: Хорошо, удачи.]

Не знаю почему, но после этих слов сердце Чу Цина успокоилось. Хотя изначально он и не сильно нервничал, сейчас его душевное состояние несколько изменилось.

Не могу сказать, в чём именно, но словно появилась поддержка в виде некоего ритуала.

— Конкурс приближается к финалу, давайте поприветствуем нашего последнего участника — Чу Цина!

Ведущий начал рассказывать о прошлых достижениях Чу Цина и его музыкальном таланте.

Настроение в чате резко изменилось.

[XXX: Началось, началось, хм, посмотрим, на что он способен.]

[XXX: Как же надоел, когда он уже исчезнет.]

[XXX: Погодите... Ведущий только что сказал, что он будет петь «Желание»?]

«Желание» — песня, которая стала частью воспоминаний бесчисленного множества людей.

В этот момент Чу Цин уже стоял на сцене.

Сегодня на Чу Цине был белый костюм, а под ним — мягкая бирюзовая рубашка. Белый пиджак прекрасно сидел по фигуре, каждое движение было непринуждённым и лёгким. Кто-то мог бы сказать, что это безразличие, но также можно было сказать, что на сцене он уверен в себе и совершенно не волнуется.

Он выглядел как ангел, случайно упавший в мир людей, без малейшей примеси вульгарной мирской суеты.

Затем Чу Цин сел и мягко положил пальцы на клавиши.

Когда другие участники кладут пальцы на инструмент, все думают: «О, сейчас он начнёт играть», или можно увидеть, что этот человек много репетировал, его техника отточена, или же, наоборот, она ещё несовершенна.

Но Чу Цин отличался от других участников. Когда он касался инструмента, это было так же естественно, как дыхание; когда он играл, не было техники, не было высокого или низкого — была только музыка.

Очень, очень чистая музыка.

Как будто он вырос, погружённый в музыку, как будто слился с ней воедино, и ничего другого просто не существовало.

[XXX: Ц-ц-ц, хоть и мусор как личность, но нельзя отрицать, что музыкальный талант у него реально высокий.]

[XXX: ...Правда, столько воспоминаний. Когда он только дебютировал, эта песня была невероятно популярна по всей стране, я в старших классах слушал её каждый день.]

[XXX: Вы что?? Как бы хороша ни была работа, не забывайте о его личности!]

[XXX: Но разве художник и его творчество — не разные вещи?.. Да и те знаменитые художники, вошедшие в историю, тоже далеко не все были идеальными людьми.]

В чате уже разгорелся спор.

Действительно, в своё время «Желание» была слишком популярной песней, она стала частью романтических воспоминаний многих людей, своего рода ностальгией. Теперь, когда Чу Цин снова её исполнил, это естественным образом смягчило первоначальную злобу, направленную на него.

Затем Чу Цин наконец запел.

Желаю тебе мира и благополучия, без бед и несчастий.

Желаю тебе быть ярче солнца, выше луны...

Пусть время принесёт тебе подарки радости,

Пусть время смоеет все твои раны...

Слова просты и незамысловаты, но в сочетании с мелодией они звучат очень искренне. Тот, кто поёт эту песню, очень нежным тоном передаёт благословение тому, кого любит — возможно, после расставания, возможно, благословение влюблённого. Может быть, для родственника, может быть, для возлюбленного, но несомненно, что голос, мелодия и слова вместе создают лишь искреннее пожелание добра другому.

Чу Цин как-то говорил, что хотел бы посвятить эту песню кому-то, но не возлюбленному, хотя она считается любовной.

Хо Ли стоял за кулисами и смотрел на Чу Цина, видя, как тот с закрытыми глазами легко находит клавиши, слушая его чистый, высокий голос.

Пальцы Хо Ли слегка согнулись, сжавшись в кулак.

С того момента, как Чу Цин вышел на сцену, чат трансляции стал настолько оживлённым, что мог сравниться разве что с появлением Цзяо Чансюя.

Кто-то придирался, кто-то начинал поддаваться обаянию голоса и песни Чу Цина, кто-то по-прежнему предвзято ругал его.

Но было очевидно, что похвал в адрес Чу Цина стало больше, чем оскорблений, и большая часть обсуждения касалась самого произведения.

<http://bllate.org/book/15588/1395544>